

Ростропович в Америке

Заметки Софьи Хентовой о встречах в США с великим музыкантом интересны, думается, не только для читателей нью-йоркского «Нового русского слова», для которого они написаны. В них много новых любопытных деталей и наблюдений о зарубежной жизни Мстислава Ростроповича, который был первым среди деятелей культуры, кому вернули незаконно отнятое у них советское гражданство. Рассказ С. Хентовой перепечатывается с некоторыми сокращениями.

ЖИЛИЩЕ человека — это не просто крыша над головой, это отражение натуры, вкусов, характера, привычек. Потому мы с таким интересом посещаем мемориальные музеи. Мне давно хотелось побывать у Славы Ростроповича и посмотреть, как он живет в эмиграции.

Бесперывные странствия делают Ростроповича неуловимым. Вышло так, что только в нынешнем феврале я смогла застать Славу и его жену Галину Вишневу в Вашингтоне и провести с ними незабываемые часы, открывшие для меня этого человека, сохранившего себя и достигшего именно в эмигрантские годы новой ступени величия.

Дом у печально известной гостиницы «Уотергейт». Ростропович поначалу, когда принял руководство Национальным симфоническим оркестром, прожил пару лет в этой гостинице. Он довольно долго был, что называется, бездомным, кочевал из отеля в отель, чемоданы оставлял у друзей в разных странах. В нем жила наивная надежда, что на Родине что-то изменится, что его позовут.

Может, от длительной неустойчивости у него сейчас такая жажда иметь свои гнезда, желанные, привычные, куда бы ни приезжал, где бы ни находился: в Вашингтоне, Лондоне, Париже, Лозанне. Эти гнезда он сам обустроивает, в каждом — комнатка с набором столовых, слесарных инструментов, и Слава что-то мастерит, конструирует — это осталось с юных голодных лет, когда он подрабатывал изготовлением рамок для фотографий.

Квартира на восьмом этаже

вашигтонского дома составила из двух квартир. Число комнат сосчитать не смогла — их много. Привлекло внимание другое: отсутствие показной роскоши. Скупая, выверенная расстановка стильной мебели и вещей. Комнаты, как оазисы русского искусства, — нечто от старых петербургских домов Кшесинской, Набокова, какими они сохранились в памяти современников. Здесь не только редчайшие вещи: рюмки Николая Второго, тарелки XVIII века, но более важное: живопись Репина, Шишкина, Соколова, скульптурный портрет жены Марка Антокольского. Собранные Ростроповичем картины позднего Репина позволяют по-новому оценить этот период, считавшийся для художника бесплодным. Серия портретов, единственная обнаженная натура у Репина — все, что так любовно развешено в комнатах вашингтонской квартиры, — материал для творческих исследований и доказывает: Репин в эмиграции, старый, с большой рукой, оставался великим художником. Ростропович намеревается устроить публичную выставку своих коллекций.

Ростропович любит Россию. И дело не только в том, как он распространяет русскую музыку, интерпретирует ее, помогает нынешним отечественным композиторам. Я думаю, что его «русские жилища» в разных странах — это интуитивное понимание того, сколь важно для великого артиста сохранение истоков (не случайно ведь Рахманинов сажал березки возле своей швейцарской виллы «Сенар»). Сейчас Вишневская и Ростропович купили половину дома в

Лаперанте, в Финляндии, совсем рядом с Ленинградом: Галина Вишневская — ленинградская кронштадтка, и ей кажется, что из Лаперанты она увидит свой город, свою молодость. Ленинградцам супруги послали очередной дар — пять инвалидных кресел и оборудование для зубо-врачебного кабинета. Послали, а ответа не получили, и Вишневская вопрошает не без иронии: «А может, наш кабинет в Смольный попал?»

Есть еще один русский «уголок» у Ростроповича — 200 миль от Вашингтона, обширные поля, перелески и выстроенный по его проекту дом в стиле русской усадьбы. Он с удовольствием рассказывает, как тайком от Вишневской купил землю неподалеку от русского монастыря, как потихоньку от нее строил и привез туда жену после ее последнего оперного выступления, когда она пела Татьяну, а Ростропович дирижировал. Дом стал подарком Вишневской, скрасившим печаль от завершения оперной карьеры.

Поразителен распорядок дня Ростроповича. Четыре часа сна. Завтрак — на кухне: каша. И там же обед, приготовленный Вишневской: холодец, блины. На виолончели он играет утром, с рассветом, в своей спальне или в смежном кабинете, где на него смотрят старинные иконы, а после концертов — в маленькой «интимной» артистической, где всегда хранится виолончель, на которой Ростропович занимается от 12 до 2 ночи.

Я приехала в день концерта, в программу которого входила архисложная Вторая симфония Брукнера. Музыканты знают, как легко разваливается на кусочки это монументальное, многослойное произведение, какой огромный концентрации воли и физических сил оно требует от дирижера. Перед каждым концертом принято отдыхать, отключаться от обидного. А Ростропович жадно разговаривал, расспрашивал, вспоминая о своей моло-

дости, об отце, от которого воспринял любовь к виолончели, талант и темперамент, о далеких предках польско-литовского происхождения — Ростроповичусах, пришедших в Россию и породившихся с оренбургским русским родом. Так и проговорили до самого выступления, и было ясно: концерт для этого великого артиста — не что-то исключительное, а составная часть жизни, органическая повседневность, которую ничто не может принизить.

Америку не удивить высоким уровнем дирижерского искусства. Но у Ростроповича этот уровень особенный. Нигде я не встречалась с такой взаимной влюбленностью дирижера и оркестра. Акты совместного творчества начинаются на репетиции, где рядовой музыкант может вдруг предложить великому Ростроповичу продирижировать фрагмент музыки «на шесть, а не на три». И Ростропович пробует. Не для того чтобы обязательно принять совет — его чутье в музыке безошибочно: но он хочет воспитать оркестрантов-единомышленников, друзей, устремленных к общему творчеству.

В методике дирижерского искусства должна изучаться такая способность — возвышаясь, оставаться равным, близким. Это и в крупном, и в мелочах: перед концертом, на который мы очень торопились (заговорились так, что Ростроповичу пришлось поспешно натягивать фрак), он все-таки не забыл в сумочку (которые в России красноречиво называют «авоськами») сложить прочитанные русские газеты, чтобы передать их оркестранту русского происхождения. Замечу попутно: Ростропович выписывает и читает «Новое русское слово», «Огонек», «Московские новости», «Аргументы и факты», «Литературную газету», «Советскую культуру», правда, последние две газеты поругивает.

Он проводит в Вашингтоне ежегодно сто дней. Готовит де-

сят программ для сорока концертов. Дирижирует оркестром в День независимости, на других торжествах. Он дает ежегодно тридцать благотворительных концертов и, будучи глубоко верующим христианином — деятелем православной церкви, — отдает гонорар за концерты в Израиле в пользу много страдального еврейского народа. По его просьбе я должна ему была подробно рассказать о новых музыкальных сочинениях, появившихся в России, и обещала прислать симфонию Галины Уствольской — любимой ученицы Шостаковича: интерес Ростроповича к новой музыке не насыщен. В расцвете творчества, на 64-м году жизни у него расписан на три года вперед каждый час: репетиции, концерт, переезд. Не придется ему подолгу задержаться ни в одной из его квартир. Никакого отдыха: летом все та же неукротимая работа.

Музыканту, столь много сделавшему, кажется, что все еще впереди, и больше всего он опасается подводить итоги; на концертную эстраду не выходит, а бежит, и только седина напоминает о его возрасте.

Поездка в Россию запланирована лишь на 1993 год, зимой, в Ленинград. Почему так нескоро? Причина, уверена, не только в концертных договорах, фестивалях, в том, что Ростропович и Вишневская занимаются также педагогикой и примут участие в организации Мадридской музыкальной академии...

Причина в том, что нет у них еще веры, что можно в России жить и творить свободно. Галина Вишневская не жалеет резких и даже крепких слов в адрес советских руководителей, возмущается парламентами-вооруженными.

Советское гражданство Ростроповичу и Вишневской возвращено, но не паспорт нужен для их приезда в Россию, а вера в возможность ее свободы.

ВАШИНГТОН.